

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГЛАСНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Е.А. ДОЛЯ

Доля Евгений Афанасьевич, профессор Академии ФСБ РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Автор анализирует изменения, внесенные в Закон "Об оперативно-розыскной деятельности" ФЗ от 26 декабря 2008 г. в части составления протоколов изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с требованиями УПК РФ. В статье с критических позиций оцениваются предложения авторов, обосновывающих необходимость признания за результатами указанных гласных оперативно-розыскных мероприятий доказательственного значения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальная деятельность, доказательства, доказывание.

The legal meaning of findings of operational and search activities for a criminal case and reforms of criminal proceedings

Y.A. Dolya

The author analyzes amendments made in the Federal Law on Operational and Search Activities of December 26, 2008 as to drawing-up of records of seizure of documents, objects, materials during public operational and search activities in compliance with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article critically assesses the suggestions of the authors justifying the necessity to admit that findings of the above public operational and search activities have evidential meaning.

Key words: operational and search activities, operational and search measures, findings of operational and search activities, criminal proceedings, evidence,

proving.

Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее - результаты ОРД) в доказывании по уголовным делам не теряет своей актуальности на протяжении длительного времени. Она находится в тесной связи с эффективностью оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, особенно тех их частей, которые направлены на борьбу с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, в частности с терроризмом, захватом заложников. От правильного решения этой проблемы зависит соблюдение прав и свобод граждан, вовлекаемых в указанные виды деятельности.

В теории и на практике единого подхода к решению рассматриваемой проблемы нет. Спектр предлагаемых решений достаточно широк: от весьма распространенного предложения использовать указанные результаты напрямую в качестве доказательств (с определенными оговорками или без таковых) <1> до возможности формирования на их основе доказательств <2>. Не содержат однозначного решения анализируемой проблемы и действующие нормативные правовые акты <3>.

<1> См.: Черновол В. Использование результатов ОРД при расследовании нарушений авторских и смежных прав // Законность. 2001. N 3; Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности - статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. N 4. С. 46 - 48; Зникин В. Результаты ОРД в уголовном процессе // Законность. 2005. N 11.

<2> См.: Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 1996. С. 35 - 36, 64, 90; Он же. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009.

<3> Так, ст. 11 ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" устанавливает возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. УПК РФ (ст. 89) запрещает использование в доказывании результатов ОРД, если они не отвечают требованиям,

предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд предусматривает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основы для формирования доказательств в уголовном процессе (утверждена по согласованию с Генеральным прокурором РФ Приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСНК России, МО России от 17 апреля 2007 г.).

Новый импульс к продолжению дискуссии по этой проблеме поступил от законодателя в связи с дополнениями, внесенными в п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ от 12 августа 1995 г. "Об оперативно-розыскной деятельности" (далее - Закон об ОРД). В соответствии с ними должностным лицам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предписывается в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий составлять протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства РФ <4>.

<4> Указанные поправки внесены ФЗ от 26 декабря 2008 г. N 293-ФЗ.

Указанная новелла получила поддержку среди части специалистов. Так, А. Александров, А. Кухта и В. Терехин оценили ее как имеющую поистине революционное значение для перспективы развития возможностей использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании и самого судопроизводства" <5>.

<5> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса. Уголовное право. 2009. N 6. С. 77, 80.

Анализ дополнений п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД не позволяет разделить данную этими авторами оптимистическую оценку указанных дополнений и поддержать основные положения и выводы, содержащиеся в их статье. Напротив, рассматриваемые дополнения следует трактовать как

шаг в направлении смешения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, который не соответствует направлению развития судебной реформы в РФ <6>.

<6> На необходимость проведения четкой грани между процессуальной и непроцессуальной деятельностью обращалось внимание в пояснительной записке к Концепции судебной реформы в РСФСР. См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 22.

Рассматриваемая статья построена на ошибочном толковании действующего оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства и, как следствие, смешении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности <7>. Это проявляется, прежде всего, в утверждении, что в соответствии с измененным законом сотрудники органов дознания вправе проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия <8>.

<7> В части смешения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности идеи авторов анализируемой статьи не являются оригинальными, они высказывались и ранее. Об этом см.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 39 - 40.

<8> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 77.

Однако Закон об ОРД, как до внесения в него рассматриваемых изменений, так и после их внесения, равно как и УПК, не дает оснований для вывода о том, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся сотрудниками органов дознания. Указанные мероприятия реализуются сотрудниками органов, осуществляющих ОРД. Существенным образом отличается правовая природа названных органов, обусловленная их целевым назначением и стоящими перед ними задачами. Именно различием в правовой природе этих органов объясняется то обстоятельство, что регулирование их деятельности осуществляется разными законами. Этим же обусловлены и значительные отличия в системах принципов, на которых

основываются рассматриваемые виды деятельности, в правовом статусе их субъектов, правовых формах, в которых реализуется их деятельность.

Орган дознания - субъект уголовно-процессуальной деятельности, на который возложена обязанность реализации только уголовно-процессуальных полномочий по ведению дознания и выполнению неотложных следственных действий в случаях, предписанных УПК (ч. 2 ст. 40). Исходя из этого, орган дознания как субъект уголовно-процессуальной деятельности вправе проводить только уголовно-процессуальные действия.

Орган исполнительной власти, наделенный полномочиями по осуществлению ОРД, не является субъектом уголовно-процессуальной деятельности. Органы, осуществляющие ОРД, будучи субъектами этой деятельности, уполномочены осуществлять только оперативно-розыскные мероприятия (ст. ст. 1, 13, 14 Закона об ОРД). Поэтому, вопреки позиции авторов статьи, производить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия вправе только органы, осуществляющие ОРД, а не сотрудники органов дознания.

О недопустимости смешения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, отождествления органов, осуществляющих эти виды деятельности, свидетельствует и запрет возлагать полномочия по ведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК).

Терминологическая неточность, допущенная законодателем <9>, не отменяет самостоятельной правовой природы ни уголовно-процессуальной, ни оперативно-розыскной деятельности.

<9> Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК следователь уполномочен давать органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. При необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускается встреча сотрудника органа дознания, осуществляющего ОРД, с подозреваемым (ч. 2 ст. 95 УПК). В этих случаях речь должна идти о проведении оперативно-розыскных мероприятий не органом дознания, а органом, уполномоченным осуществлять ОРД. В этой части ст. ст. 38 и 95, равно как и ч. 4 ст. 157 УПК требуют соответствующей корректировки.

Не оригинальны авторы статьи и в предложении относительно

возможности использования результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств, если они отвечают требованиям УПК <10>.

<10> В связи с этим авторы предложили внести в ч. 2 ст. 74 УПК дополнительный пункт в следующей редакции: "7. Протоколы документирования результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий, если они соответствуют требованиям настоящего кодекса". См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 80.

Так, еще в 1991 г. Д. Бедняков пришел к выводу о том, что между доказательственной и непроцессуальной (оперативно-розыскной) информацией нет непреодолимой границы, так как непроцессуальная информация при определенных в законе условиях может стать процессуальной (доказательственной) <11>. Возможность прямого использования результатов ОРД в качестве доказательств при производстве по уголовным делам отстаивал В. Бозров <12>.

<11> См.: Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. С. 67.

<12> См.: Бозров В. Указ. соч. С. 46 - 48.

Ошибочная идея признания за результатами ОРД значения доказательств господствует среди теоретиков и практиков на протяжении длительного времени. Несмотря на то что она облекается в различные формы, ее существо остается неизменным - придание результатам ОРД доказательственного значения <13>.

<13> Первоначально эта идея выражалась чаще всего в форме легализации оперативных данных. В дальнейшем эту же идею предлагалось реализовывать посредством: превращения результатов ОРД в доказательства путем представления оперативных материалов следователю; преобразования, трансформации указанных результатов в доказательства в ходе проведения предусмотренных законом следственных действий; придания процессуального статуса источникам оперативной информации; установления сведений, выявленных оперативным путем, посредством

процессуальных источников; уголовно-процессуальной интерпретации результатов ОРД.

Критический анализ перечисленных форм придания доказательственного значения результатам ОРД см.: Доля Е.А. Анализ наиболее распространенных концепций по проблеме использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Современная Россия: реалии и перспективы: Научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2004; Он же. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009. С. 236 - 278.

Допустимость использования результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств при производстве по уголовным делам в статье обосновывается двумя аргументами. Первый из них заключается в возможности "безупречного выполнения требований уголовно-процессуального законодательства" оперативным работником в ходе проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия и протоколирования его результатов <14>. Смысл второго аргумента состоит в том, что при таком подходе соблюдение прав и законных интересов участников будет соответствовать уголовно-процессуальному уровню <15>.

<14> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 78. Допуская возможность "безупречного выполнения требований уголовно-процессуального законодательства" оперативным работником в ходе проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий, авторы статьи упускают из вида, что они тем самым вступают в противоречие с содержанием измененного п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД. В соответствии с ним выполнение требований УПК РФ распространяется только на составление протокола соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, а не на производство всего оперативно-розыскного мероприятия.

<15> Там же.

Оба аргумента вызывают возражения. При производстве гласных оперативно-розыскных мероприятий невозможно не только безупречное, но и простое выполнение требований уголовно-процессуального

законодательства. Гласные оперативно-розыскные мероприятия с точки зрения условий, порядка их проведения и оформления (устанавливаемых Законом об ОРД и соответствующими подзаконными актами) существенным образом отличаются от тех, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом. Гласные оперативно-розыскные мероприятия лишь внешне, да и то частично, похожи на следственные действия. Их сопоставление показывает, что они не совпадают ни по количеству, ни тем более по условиям и порядку проведения.

Отмеченные различия обнаруживаются, например, при сравнении такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос, с таким следственным действием, как допрос. Опрос как оперативно-розыскное мероприятие предусмотрен в единственном виде. В уголовном процессе существует несколько разновидностей допроса - допрос свидетеля и потерпевшего, допрос обвиняемого и подозреваемого, очная ставка. Действия, подобного очной ставке, оперативно-розыскное законодательство вообще не знает.

Согласно УПК перед началом допроса свидетеля ему объявляется, по какому уголовному делу он вызван, разъясняются права (включая право явиться на допрос с адвокатом) и обязанности, он предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Какие из перечисленных положений должен будет выполнить оперативный работник при проведении опроса, следуя рекомендации авторов статьи о безупречном соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства? Ответа в анализируемой статье не содержится. А он необходим, в силу того что на практике при попытке проведения опроса по правилам допроса он обязательно возникнет <16>.

<16> Аналогичного рода вопросы у оперативных работников возникнут при проведении в гласном порядке и других оперативно-розыскных мероприятий. Требованиями уголовно-процессуального закона к каким следственным действиям они должны будут руководствоваться?

Предложение авторов статьи о необходимости соблюдения требований уголовно-процессуального закона не только при оформлении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий, но и при их проведении <17> неприемлемо и в силу его противоречивости.

<17> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 80.

Негативно оценивая существующий формализм досудебного судопроизводства, превративший труд следователя "в монотонный и весьма напряженный процесс процессуального документирования, в котором мало места тому, что принято называть раскрытием преступления" <18>, авторы статьи в то же время считают возможным распространить этот формализм на гласные оперативно-розыскные мероприятия. При этом не учитывается, что при реализации такого подхода указанные мероприятия утратят столь необходимую для ОРД оперативность, в результате чего именно быстрое раскрытие преступлений оперативными методами станет весьма проблематичным.

<18> См.: Там же.

С рекомендацией осуществлять гласные оперативно-розыскные мероприятия в точном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства нельзя согласиться и по причине более общего (методологического) характера. В ней не учитывается диалектика таких парных категорий, как содержание и форма.

Содержание и форма присущи всем процессам и явлениям, они взаимообусловлены и существуют в единстве. Взаимообусловленность этих категорий проявляется в том, что они представляют собой относительные противоположности, переходящие друг в друга. Единство содержания и формы выражается в невозможности существования бессодержательных форм и неоформленных содержаний. Противоположность содержания и формы относительна, а их единство абсолютно. Эти положения в полной мере распространяются на содержание и форму как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной деятельности, каждая из которых имеет свою, присущую только ей качественную определенность, вне которой она утрачивается. Оперативно-розыскное содержание (оперативные данные, основанные на них решения) может быть получено только в оперативно-розыскной системе и соответствующей ей оперативно-розыскной форме. Именно с помощью оперативно-розыскной формы формируется оперативно-розыскное содержание. Уголовно-процессуальное содержание (доказательства и принимаемые на их основе решения) может формироваться

только в рамках уголовно-процессуальной системы и присущей ей уголовно-процессуальной формы. Каждому содержанию соответствует своя форма, и, наоборот, каждой форме соответствует свое содержание. Придать оперативно-розыскному содержанию (данному, полученному при проведении оперативно-розыскных мероприятий) уголовно-процессуальную форму (путем составления протокола по правилам УПК) невозможно в принципе.

Не усиливает позицию авторов статьи и ссылка на то обстоятельство, что протоколы изъятия, составленные в соответствии с требованиями УПК по результатам проведенных гласных оперативно-розыскных мероприятий, будут "тождественны уголовно-процессуальным протоколам-доказательствам" <19>.

<19> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 78.

Отождествлению указанных протоколов препятствуют существенные различия в их правовой природе, в основе которой лежат объективные факторы. Прежде всего, это касается содержания протоколов. То обстоятельство, что протоколы изъятия предлагается оформлять по правилам УПК, не меняет правовой природы того содержания, которое в них будет отражено. Оно сохранит свое оперативно-розыскное содержание в силу того, что его получение осуществлялось не в соответствии с требованиями УПК, а согласно оперативно-розыскным правилам, сформулированным с учетом целей и задач оперативно-розыскной (ст. ст. 1, 2 Закона об ОРД), а не уголовно-процессуальной деятельности (ст. 6 УПК).

Различия между содержанием и формой (условиями и порядком) оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности носят фундаментальный характер, обусловлены объективными факторами, уходящими в особенности тех частей бытия, для познания и преобразования которых эти виды деятельности в конечном итоге и предназначены. Указанные различия не могут быть преодолены в принципе и тем более - простым оформлением протоколов проведенных гласных оперативно-розыскных мероприятий по правилам УПК.

Соблюдение требований уголовно-процессуальной формы только по отношению к составлению протокола изъятия не может изменить правовой природы их оперативно-розыскного содержания, которое до этого было получено в рамках оперативно-розыскной, а не уголовно-процессуальной

формы. Оперативно-розыскная форма формирует соответствующее оперативно-розыскное содержание. Протокол изъятия (даже составленный по правилам УПК) является лишь средством сохранения уже ранее полученного оперативно-розыскного содержания. Только в силу названных причин предлагаемое авторами статьи отождествление протоколов изъятия и протоколов следственных и судебных действий недопустимо <20>.

<20> Другие существенные различия в правовой природе рассматриваемых протоколов, обусловленные особенностями объектов оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий, правового положения, осуществляющих их субъектов, систем соответствующих правовых гарантий, допустимостью и пределами применения наиболее общих приемов познания, в статье (из-за ограниченности ее объема) не приводятся. По этой же причине различия в правовой природе результатов ОРД и уголовно-процессуальных доказательств в статье излагаются в самом общем виде. Подробнее об этом см.: Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе. Российская юстиция. 2007. N 6. С. 38 - 42.

Вопреки утверждению авторов статьи, по указанным причинам, при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия невозможно обеспечить и уровень соблюдения прав и законных интересов его участников, соответствующий уголовно-процессуальному уровню. Уголовно-процессуальные гарантии, будучи неотъемлемой частью уголовно-процессуальной формы, направлены на обеспечение прав и законных интересов участников именно уголовного судопроизводства, которые в оперативно-розыскных мероприятиях, как правило, участия не принимают.

Когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся в отношении лиц, признанных участниками уголовного процесса, их права и интересы обеспечиваются системой не уголовно-процессуальных, а оперативно-розыскных гарантий. В противном случае речь должна идти о проведении не оперативно-розыскного мероприятия, а следственного действия.

Оперативно-розыскные мероприятия, как и вся ОРД, обладают своей системой правовых (оперативно-розыскных) гарантий, сконструированной исходя из особенностей объектов, целей и задач этого вида деятельности. Предлагаемое применение к гласным оперативно-розыскным мероприятиям

уголовно-процессуальных гарантий представляет собой произвольное манипулирование различными по своей правовой природе и предназначенности системами правовых гарантий, что недопустимо в принципе. Реализация этого предложения приведет к разрушению всей системы ОРД, утрате ее качественной определенности.

Ошибочное толкование действующего уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства и, как следствие, смешение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в анализируемой статье проявляется и в том способе, который предлагается использовать для преодоления различия в допустимости между результатами ОРД и доказательствами. По мнению авторов, для этого следует "лишь признать органы дознания субъектами доказывания (имеющими право собирать доказательства путем проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий с составлением протоколов изъятия предметов, документов, соответствующих требованиям УПК и поэтому являющихся доказательствами) и отразить это в соответствующих нормах уголовно-процессуального законодательства (ст. ст. 40, 85 - 88 УПК и т.д.)" <21>.

<21> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 78.

Это предложение может быть объяснено только поверхностным прочтением уголовно-процессуального закона и, как следствие, его ошибочным толкованием. Оно вступает в прямое противоречие с отмеченным запретом возлагать полномочия по ведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК).

Органы дознания не нуждаются в признании их субъектами доказывания. По действующему уголовно-процессуальному закону они субъекты уголовно-процессуальной деятельности, уполномоченные осуществлять доказывание (ст. ст. 86 - 88 УПК). Недопустимо и наделение органов дознания правом проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий (приравняемых по юридическим последствиям к результатам следственных и судебных действий). Оно приведет к сосредоточению в этих органах различных по своей правовой природе (оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных) функций, породит смешение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-

процессуальный закон запрещает совмещение в одном органе (лице) даже уголовно-процессуальных функций (ч. 2 ст. 15 УПК).

По изложенным причинам нельзя признать приемлемой и обосновываемую авторами статьи необходимость включения "гласной оперативно-розыскной деятельности в состав уголовно-процессуального доказывания" <22>. На практике это обернется грубейшими нарушениями законодательства, прав и свобод граждан при осуществлении судопроизводства.

<22> См.: Александров А., Кухта А., Терехин В. Указ. соч. С. 80.

Следуя логике рассматриваемой рекомендации и используя терминологию авторов статьи, следующим шагом в "перспективном направлении модернизации уголовного судопроизводства" должно стать наделение следователя и суда полномочиями по осуществлению гласных оперативно-розыскных мероприятий с признанием доказательственного значения полученных при этом результатов. Что мешает сделать такой шаг, если мы двинемся по предложенному пути сосредоточения в руках одного субъекта (органа дознания) различных по своей правовой природе (оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных) функций?

Отстаиваемое авторами статьи предложение о включении гласной ОРД в состав уголовно-процессуального доказывания представляет собой очередную попытку прямого использования результатов ОРД в качестве доказательств. В результате для следователя станет ненужным проведение соответствующих следственных действий, аналогичных проведенным оперативно-розыскным мероприятиям. В противном случае сама идея придания указанным результатам статуса доказательств теряет всякий смысл.

Следователь будет обязан использовать в доказывании оперативные данные, полученные субъектом ОРД в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий, в качестве доказательств. То есть в процессе доказывания он станет опираться на результаты познания, осуществленного не им, а оперативным работником. Та же ситуация будет и по отношению к суду в части неповторимых действий. Например, в случае проведения оперативным работником такого оперативно-розыскного мероприятия, как гласное обследование участка местности, являвшегося местом совершения преступления (местом происшествия), суд, как и следователь, обязан будет

использовать знания о преступлении, сформированные не им самим, а оперативным работником.

Проведенный анализ дает основания для вывода о том, что реализация предложений, содержащихся в статье А. Александрова, А. Кухта и В. Терехина, приведет к тяжелейшим последствиям - смещению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, привлечению лиц к уголовной ответственности исходя из оперативных данных, вынесению судебных приговоров на основе сведений, полученных оперативным путем. Поэтому предлагаемые "революционные преобразования" не могут рассматриваться в качестве перспективного направления модернизации уголовного процесса.

Практика включения "оперативно-розыскной деятельности в состав уголовно-процессуального доказывания" уже была в отечественной истории уголовного судопроизводства (1937 - 1938 гг.), ее трагические последствия известны. Возвращение к ней будет больше чем ошибкой!

Пристатейный библиографический список

1. Александров А., Кухта А., Терехин В. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. N 6.
2. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991.
3. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности - статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. N 4.
4. Доля Е.А. Анализ наиболее распространенных концепций по проблеме использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Современная Россия: реалии и перспективы: Научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2004.
5. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 1996.
6. Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. N 6.
7. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов

оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009.

8. Зникин В. Результаты ОРД в уголовном процессе // Законность. 2005. N 11.

9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992.

10. Черновол В. Использование результатов ОРД при расследовании нарушений авторских и смежных прав // Законность. 2001. N 3.

Информация о публикации для оформления ссылки:

Доля Е.А. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса // Законность. 2011. N 4. С. 16 - 22.